

УДК 821'01(37)+821.111(73)

НАСЛЕДИЕ КАТУЛЛА В ТВОРЧЕСТВЕ ЭЗРЫ ПАУНДА

канд. филол. наук, доц. Н.В. НЕСТЕР
(Полоцкий государственный университет)
n.nester@psu.by

Рассматривается наследие древнеримского поэта Катутлла в контексте творчества американского поэта Эзры Паунда, одного из значительных поэтов и критиков XX века, основоположников английского и американского модернизма. Э. Паунд ощущал свою эпоху как время крушения художественных традиций прошлых веков, поэтому стремился заново «создать культуру». Он призывал современников обогатить англоязычную поэзию, привнес в нее все многообразие иноязычной лирики, что делал сам, владея многими языками. Э. Паунд по-новому «прочитал» стихотворения катутлловского сборника, при этом обратился не только к переводам фрагментов древнеримского поэта, но и «разместил» цитаты из стихотворений Катутлла в новом контексте. Уникальным отношением к мировой литературной традиции Э. Паунд убедительно доказал, что настоящее обновление поэзии возможно лишь посредством освоения мировой классики и вовлечения ее в современный литературный процесс.

Ключевые слова: наследие, влияние, перевод, подражание, сатира, цитация, вариация.

Введение. Творчество древнеримского поэта Гая Валерия Катутлла (Gaius Valerius Catullus, ок. 87 до н.э. – 54 до н.э.) широко известно европейскому читателю. Поэтический сборник Катутлла включает в себя 116 стихотворений, разных по размеру и количеству строк, размещенных без какого-либо хронологического и тематического порядка. В соответствии с содержательной частью произведения катутлловского сборника можно разделить на две группы. В первую входят ямбические и сатирические стихотворения, включающие в себя политические эпиграммы и насмешки. Во вторую – лирические стихотворения, которые, в свою очередь, делятся на стихотворения элегического и повествовательного содержания, написанные по греческим образцам, а также произведения на личные темы.

В эпоху средневековья творческое наследие Катутлла оставалось практически неизвестным до тех пор, пока в родном городе поэта Вероне в XIII веке не был обнаружен единственный экземпляр его поэтического сборника.

Влияние Катутлла прослеживается в «Книгах о воздухе» (*Books of Ayres*, 1601–1617) Т. Кэмпiona (*T. Campion*, 1567–1620); песнях Б. Джонсона (*B. Jonson*, 1572–1637) и в особенности у Р. Геррика (*R. Herrick*, 1591–1674) и Р. Лавлейса (*R. Lovelace*, 1618–1657/1658). Ли Хант (*Leigh Hunt*, 1784–1859) перевел эпиллий Катутлла «Аттис» (*Attis*, 1810), в котором нашел воплощение культ богини Кибелы, связанный с осклоплением и оргиастическими танцами ее жрецов. Следует отметить, что эпиллий «Аттис» (LXIII) был написан Катутллом во время поездки в Вифинию в 57 году после разрыва с Клодией, с целью забыть возлюбленную или посетить могилу брата, похороненного в Малой Азии.

А. Теннисон (*A. Tennyson*, 1809–1892), посетив Сирмион (Италия), где на берегу озера стоял дом Катутлла, воспетый им в стихотворении «Много морей переплыв...» (XXXI), написал патетическое произведение «*Frater ave atque vale*» (1883), вошедшее в сборник «Тиресий и другие стихотворения» (*Tiresias and other poems*, 1885). Стихотворение А. Теннисона посвящено памяти брата Чарльза Теннисона, священника и поэта, умершего в 1879 году. Строка, вынесенная английским поэтом в название стихотворения – «*Frater ave atque vale*», перекликается с другим стихотворением Катутлла (CI), также посвященным памяти брата – «...frater, ave atque vale».

По мнению Э. Паунда, на развитие поэзии как искусства в Древней Греции оказали влияние такие поэты, как Гомер и Сапфо, но не Эсхил, с которого началась традиция «риторики» как «плохого искусства». Среди представителей древнеримской поэзии было только три поэта, которые превзошли греков в искусстве «ясности» – это Катутлл, Овидий и Проперций. К творчеству этих художников слова поэт обращается в той или иной степени: стихотворения Катутлла переводит и полемизирует, вступает в своеобразный диалог, мотивы и образы Овидия использует и переосмысливает, в честь Проперция создает поэму «Почтение Сексту Проперцию» (*Homage to Sextus Propertius*, 1917).

Основная часть. Э. Паунд считал, современный поэт зависит от прошлого так же, как прошлое зависит от него, ибо без его посредничества оно не может «ожить» в современности. Автор искал равных себе среди умерших поэтов, принадлежавших к разным традициям, временам и народам, поскольку не находил таковых среди современников. В одном из писем Э. Паунд сделал заявление: «Зачем писать то, что я могу перевести из латыни эпохи Возрождения или переложить, взяв у бессмертных» [1, р. 37]. В теории и практике перевода художник исходил из провансальского «*trobar*» (изобретать, творить), произошедшего от латинского «*tropus*», которое, в свою очередь, связано с греческим «*trephein*» (изменение мысли

или выражения). В его наследии есть почти дословные переводы из произведений Катулла и Проперция, названные Паундом, «чисто экзегетическими», или «метафразами».

Тем не менее, только два стихотворения из катуллового сборника были переведены поэтом-модернистом – это знаменитое двустишие «Odi et amo» (LXXXV) и сатирическое стихотворение, адресованное Фурию (XXVI). Особый интерес представляет собой двустишие из катуллового сборника – 85-ый фрагмент, написанный элегическим дистихом и состоящий всего из четырнадцати строк. Катулл противопоставляет два полярных понятия – «ненависть» и «любовь», при этом выбирает для передачи этих разных по значению слов именно глагольную форму, которая позволяет выразить его отношение к возлюбленной в действии, в динамике. То сомнение, которое он мучительно переживает, не оставляет его в покое, не дает ему никакой надежды на то, что все еще, быть может, вернется. Однако объект его вожделения совершил поступок, не позволяющий ему до конца верить в то, что чувство к ней станет прежним. Тот вопрос, который адресует лирический герой Катулла самому себе, как бы «повисает в воздухе» и перерастает в риторический вопрос к возлюбленной «Почему я так поступаю, может быть, ты спросишь», на который он совсем не ждет ответа. В паундовском варианте сомнение катуллового героя обрывается резким вопросом «Why?» и прерывает размышление лирического героя. Если лирический герой Катулла все еще сомневается, и это сомнение присутствует и в его ответе «Я не знаю», и в отсутствии ответа на поставленный им самим же вопрос «... но так чувствую и страдаю». Страдания лирического героя объясняются его неведением, его незнанием, неопределенностью того, что он настоящему испытывает к возлюбленной. М.Л. Гаспаров отмечает, что «античный человек еще не выстроил столько барьеров между стихией и собой, сколько выстроила культура наших дней. Любовь – болезнь, говорил ему вековой опыт; а от болезни умирают или сходят с ума» [2, с. 108]. Устанавливая для себя границу пределов любовной страсти, Катулл не наслаждается ее приступом, а страшится любовной страсти, поэтому так резко обрывает рассуждение о нем:

Odi et amo. Quare id faciam, fortasse requiris.
Nescio, sed fieri sentio et excrucior. [3]

I hate and love. Why? You may ask but
It beats me. I feel it done to me, and ache. [4, p. 1141]

В отношении данного двустишия Катулла М.Г. Гаспаров отмечает: «Если бы знаменитое «Ненавижу и люблю» было написано лирическим размером, он повторил бы это «ненавижу и люблю» раза три на разные лады, ничего не добавляя, кроме восклицательных знаков, и стихотворение получилось бы всем на радость. Но он пишет его дистихом, он не изливает своё чувство, а задумывается над ним – «почему и люблю и ненавижу?» – он огорчен оттого, что не может этого объяснить в двух строчках [5, с. 175].

Ревностью вызваны также унижительные слова Катулла, адресованные бедняку Фурию в 26-ом стихотворении. При этом Катулл не только насмехается над нищетой Фурия, но и издевается, что Фурию и терять больше нечего, т.к. у него ничего нет. Катулл начинает стихотворение с обращения к конкретному адресату – Фурию, упрекая его в бедности, т.к. бедняк живет впроголодь, и его вилла находится под залогом. В отличие от Катулла, Э. Паунд не ограничивается называнием адресата в собственном варианте и смещает понятийные акценты таким образом, что вилла становится предметом насмешки и осмеяния. Если Катулл выстраивает текст по принципу усиления, перечисляя при этом все известные ветры (Австр, Евр, Фавон (Зефир)), создавая таким образом эффект эмоционального воздействия на читателя: вот – дом Фурия, его со всех сторон продувают ветры, тем более, дом находится под залогом в пятнадцать тысяч двести монет. Что касается перевода Э. Паунда, то здесь есть расхождение с текстом оригинала в том плане, что сумма залога прописывается прописными буквами, и она отличается от той, которая указывается в оригинальном тексте, а катулловое восклицание, адресованное ветру, заменяется в паундовском варианте восклицанием к Богу:

Furi, villula vestra non ad Austriflatus
opposita est neque ad Favoni
nec saevi Boreae aut Apheliotae,
verum ad milia quindecim et ducentos.
O ventum horribilem atque pestilentem!¹ [3]

This villa is raked of winds from fore and aft,
All Boreas' sons in bluster and yet more
Against it is this TWO HUNDREAD THOUSAND sesterces,
All out against it, oh my God:
some draft. [4, p. 1138]

Уже сама форма «villula» представляет дом Фурия в стилистически сниженном ключе – это не вилла, не имение, а всего лишь «меньице», «дача». Тем более, контрастно противопоставляя форму притяжательного местоимения второго лица множественного числа «vestra» с уменьшительной формой от «villa» – «villula», поэт как бы снижает эффект сочувствующего отношения читателя к Фурию. Ветры,

¹ «Фурий, ваше именице выставлено ни южному, ни западному, ни суровому северному или восточному ветру, а за пятнадцать тысяч двести. О, ужасающему и губительному ветру!» (Перевод наш. – Н.Н.).

которые упоминаются Катуллом лишь для усиления эффекта восприятия, оказываются виновными в том, что имя Фурия находится под залогом, как об этом свидетельствует последняя строка стихотворения. М.Л. Гаспаров отмечает, что «если Катулл хочет, чтобы такое стихотворение было комическим, то он употребляет каламбур (№ 26) ... и т.п.» [5, 185].

Таким образом, используя разновидность перевода – перевод как критическое исследование, перевод стихотворений Катулла Э. Паунд осуществляет двумя способами: адаптация (LXXXV) и вольный перевод (XXVI). Следует отметить, что Э. Паунд в достаточной мере владел латинским языком, чтобы переводить поэзию, а древнегреческого языка не знал.

Что касается других произведений поэта-модерниста, в которых в той или иной степени воссоздаются художественные произведения Катулла, то есть у Э. Паунда стихотворение под названием «*Phasellus ille*»², в котором он пародийно использует четвертый фрагмент из катуллового сборника. В соответствии с обычаем, вернувшись из вифинского путешествия (56 г. до н.э.), Катулл посвящает богам изображение корабля и в надписи к нему рассказывает о проделанном им пути. Э. Паунд наделяет надпись к кораблю оттенком сатиры, т.к. паундовский корабль сделан из папье-маше (материал указывает на его непрочность), а надпись на нем представляет собой нелестные слова в адрес Бернарда Шоу, отношение к которому изменилось от восторженного в начале творческого пути до полной антипатии в зрелые годы:

*Phaselus ille, quem videtis, hospites,
ait fuisse navium celerrimus,
neque ullius natantis impetum trabis
nequisse praeterire, sive palmulis
opus foret volare sive linteo*³. (IV, 1–5) [3]

*This papier-mâché, which you see, my friends,
Saith 'twas the worthiest of editors...
Come Beauty barefoot from the Cyclades,
She'd find a model for St. Anthony
In this thing's sure decorum and behaviour*⁴. [4, p. 235]

З. Венгерова отмечает, что «Паунд остался новатором имажистом лишь в своих вещаниях, а стихи его большей частью чисто «литературные», насквозь проникнутые классическими воспоминаниями, даже с греческими и латинскими заглавиями: «*Doris*», «*Phasellus ille*», «*Quies*» и т.д. (как это, казалось бы, согласоваться с гордым заявлением: «прошлое нами просто забыто»)» [6, с. 846]. Четвертое стихотворение катуллового сборника также пародийно используется в паундовских текстах «Более низкий жанр» (*Leviora*), «Предмет» (*An object*), «Портрет одной женщины» (*Portrait d'une femme*).

Так, Э. Паунд обращается к 84-му фрагменту Катулла в стихотворении «Хоммода» (*Chommoda*): «*Chommoda dicebat, si quando commoda vellet // Dicere, et hinsidias Arrius insidias*»⁵. М.Л. Гаспаров отмечает, что в данном катуллово-стихотворении «На Аррия» «видимо, имеется в виду Кв. Аррий, второстепенный оратор «из подручных Красса», упоминаемый Цицероном («Брут», 242). «В Сирию послан он был» (ст. 7), вероятно, в походе Красса на Парфию, начавшемся осенью 55 г.» [10]. Манера произношения, которая высмеивается Катуллом, появилась в латинском языке в I в. до н.э. под греческим влиянием и считалась вульгарной. По всей видимости, Катулл намекает на то, что речь Аррия выдает его простонародное происхождение.

При этом правильная интерпретация стихотворения Э. Паунда возможна в том случае, если читатель расшифрует источник эпиграфа: «*et hinsidias Arrius insidias*». Аррий, о котором речь идет у древнеримского поэта, отправляется на Восток и говорит со своим провинциальным произношением о «благах» (*commoda*) и поджидающих его «опасностях» (*insidiae*). Лирический герой Катулла – модник, подражает греческому произношению и говорит слова с придыханием (h) в начале слова. Э. Паунд иронически переосмысливает катуллово-стихотворение, заменяя Аррия продавщицей и придавая ей оттенок вульгарности:

*I said (she was drawing the blind), and I said,
The closing regulations say you should close at 8:30;
She replied:
«Hno heyghte o'klok»*⁶. [7, p. 696]

² лат. «Кораблик тот».

³ «Кораблик этот (он пред вами, странники!) / Клянется, что быстрее из судов морских / Когда-то был он: веслами ли движимый, / Летя ли вдаль под полотняным парусом, / Все баржи обгонял он и будары все» (Перевод А. Пиотровского) [9, с. 22].

⁴ «Сие папье-маше, друзья, пред вами / Речет, что был редактором он лучшим... / Босая красота с Киклад придя, / За образец Антонию святому / Преподнесла б декорум сей вещицы» (Перевод Я. Пробштейна). [7, с. 513].

⁵ Лат. «Хоммода» стал говорить вместо общего «коммода» Аррий, / Вместо «инсидиас» – «хинсидиас» говорит» (Перевод С. Шервинского). [10].

⁶ «Я сказал – она задергивала занавеску, и я сказал: / По правилам вы должны закрывать в 8-30; / Она ответила: / «Не-а, в восемь»» (Перевод А. Александровского). [7, с. 697].

Т.С. Элиот отмечает: «Над его стихотворениями витают тени Катулла и Марциала, Готье, Лафорга и Тростана Корбьера» [8, с. 458]. Как свидетельствует анализ, цитаты используются Э. Паундом как средство эмоционального воздействия на читателей. Кроме того, эпитафия к стихотворению «Chommoda» указывает на открытость текста и соотносит его с катулловским стихотворением (LXXXIV) посредством иронии.

Так, в стихотворении «*Blandula, tenulla, vagula*» Э. Паунд противопоставляет небесному раю земной, который ассоциируется у него с мысом Сирмион, расположенным на южном берегу озера Гарда (ранее Бенакское озеро):

What hast thou, O my soul, with paradise?
Will we not rather, when our freedom's won,
Get us to some clear place wherein the sun
Lets drift in on us through the olive leaves
A liquid glory? If at Sirmio
My soul, I meet thee, the life's outrun,
Will we not find some headland consecrated
By aery apostles of terrene delight⁷... [7, p. 398]

Данное произведение Э. Паунда соотносится с 31-м стихотворением Катулла, написанным им по возвращении из вифинского путешествия в 56 году к своему Лару, богу домашнего очага, о котором он пишет в девятой строке стихотворения. Дом Катулла находился на полуострове Сирмион и был окружен Бенакским озером. Так, возвращение к ларам – богам, охранявшим дом и семью, – «погружает» древнеримского поэта в мир спокойствия, дает возможность отдохнуть от долгих странствий. Если у Катулла Сирмион ассоциируется с неким безмятежным состоянием души, которая устала скитаться вдали от родины, то у Э. Паунда Сирмион – это своеобразное обретение свободы и уход от реальности: «Soul, if She meet us there, will any rumour / Of havens more high and courts desirable / Lure us beyond the cloudy peak of Riva?»⁸ [7, с. 398]. Счастливая жизнь представляется поэту-модернисту отделенной от людей не временем, а пространством.

Перекликается с 31-м стихотворением Катулла и паундовское стихотворение «Огонь» (*The Flame*), в котором пребывание на полуострове Сирмион связывается с поэтическим вдохновением, даруемым живописными пейзажами Сирмиона и озера Гарда. В стихотворении Паунд изображает озеро Бенакус, глядя на которое невозможно не сочинить замечательные строки: «Sapphire Benacus, in thy mists and thee / Nature herself's turned metaphysical, / Who can look on that blue and not believe?»⁹ [7, p. 450]. Так, побережье озера Гарда – символ поэтического вдохновения – воспринимается Э. Паундом как некая идиллическая страна, подобная Аркадии. Озеро Гарда представляется ему Кастальским источником, который, согласно античной традиции, находился на горе Парнас и посвящен Аполлону и музам.

Заключение. Эксперименты Э. Паунда в области перевода предполагают не только творческое переосмысление произведений античной литературы, а также «размещение» их в современном контексте. Т.С. Элиот отмечает: «Что касается Овидия и Катулла – он не отбрасывает их, но просто переводит на свой собственный язык, с другими же обращается так, что тут уже почти пародия, памфлет, даже нечто для них оскорбительное» [8, с. 460]. Несмотря на то, что Э. Паунд пользуется «маской» Катулла, делает переводы-стилизации катулловских стихотворений, поэт-модернист всегда остается самим собой. При этом Э. Паунд вступает в «диалогические отношения» с Катуллом, придавая каждой фразе из катулловского сборника новое значение, актуальное в контексте современности, ориентируясь на эрудированного читателя, способного соотнести их с первоисточниками, наполняя при этом фразы смыслами, расширяющими проблемное поле модернистской поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pound, E. *Literary essays of Ezra Pound / E. Pound.* – New York : New Directions, 1985. – 390 p.
2. Гаспаров, М.Л. Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика / М.Л. Гаспаров. – СПб. : Азбука, 2000. – 480 с.
3. C. Valerius Catullus. Poetry [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.thelatinlibrary.com/catullus.shtml>. – Date of access: 15.12.2016.

⁷ «И что тебе, душа, небесный рай? / Не лучше ли, обзаведясь свободой, / Отправиться куда-нибудь, где солнце / Цедило бы маслянистую листву / Живую славу? В Сирмии, допустим, / Тебя я встречу после этой жизни, / И мы найдем залив, благословенный / Апостолами прелести земной» (Перевод О. Седаковой). [7, с. 399].

⁸ «Душа, а вдруг Она придет? И слух / О лучших поселеньях и дворах / Нас увлечет туда, за пики Ривы?» (Перевод О. Седаковой). [7, с. 399].

⁹ «Сапфир Бенакус, в облаках твоих / Природа превосходит чин природы; / Кто, глядя в эту синь, не имеет веры?» (Перевод О. Седаковой). [7, с. 451].

4. Pound, Ezra. Poems & Translations / Ezra Pound. – New York : The Library of America, 2003. – 1364 p.
5. Гаспаров, М.Л. Поэзия Катулла / М.Л. Гаспаров // Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений. – М. : Наука, 1986. – С. 155–207.
6. Венгерова, З. Английские футуристы / З. Венгерова // Паунд, Э. Стихотворения и избранные Cantos. – СПб. : Владимир Даль, 2003. – С. 841–848.
7. Паунд, Э. Стихотворения и избранные Cantos / Э. Паунд. – СПб. : Владимир Даль, 2003. – 887 с.
8. Элиот, Т.С. Эзра Паунд: его стих и поэзия / Т.С. Элиот // Избранное. – М. : РОССПЭН, 2004. – Т. I–II : Ре-лигия, культура, литература. – С. 442–469.
9. Катулл. Тибулл. Проперций / Катулл. Тибулл. Проперций. – М. : Худ. лит., 1963. – 512 с.
10. Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений [Электронный ресурс] / изд. подг. С. Шервинский, М. Гаспаров ; отв. ред. М. Гаспаров. – М. : Наука, 1986. – 304 с. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1449001000#84>. – Дата доступа: 15.01.2017.

Поступила 06.02.2017

THE HERITAGE OF CATULLUS IN THE EZRA POUND'S WORKS

N. NESTSER

The article deals with the heritage of the Roman poet Catullus in the context of the works by the American poet Ezra Pound (1885–1972), one of the most considerable poets and critics of the twentieth century, the founders of the English and American modernism. E. Pound considered his epoch to be the time of the collapse of the artistic traditions of the past centuries, so he tried to «recreate culture». He urged his contemporaries to enrich the English poetry by bringing to it all the variety of foreign-language lyrics as he did, having a good command of many languages. E. Pound «read» Catullus' poems in a new way. He turned to the translations of the fragments by the Roman poet's works and he «placed» the quotations from the Catullus' poems in a new context. With his unique relation to the world literary traditions E. Pound proved that the update of the poetry is possible only through the development of the world classics and involving it in the contemporary literature.

Keywords: heritage, influence, translation, imitation, satire, citation, variation.